

0724891-1

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра истории южных и западных славян**

На правах рукописи

ДМИТРИЕВ Михаил Владимирович

**Киевская митрополия во второй половине XVI в.
и генезис Брестской церковной унии 1595-1596 гг.**

Специальность 07.00.03 — всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва -2001

**Работа выполнена на кафедре истории южных и западных славян
Исторического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова**

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Л.М. Брагина

доктор исторических наук А.Л. Хорошкевич

доктор исторических наук Г.А. Санин

Ведущая организация:

Исторический факультет
Санкт-Петербургского государственного
университета

Защита состоится «_____» _____ 2001 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.72 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119899, Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, Исторический факультет, аудитория 551.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А.М. Горького, МГУ

Автореферат разослан «_____» _____ 2001 г.

**НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ**

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

Н.М.Мещерякова

Значение и актуальность темы.

Брестская церковная уния 1595-1596 гг. и предшествовавшие ей процессы в Киевской православной митрополии - важнейшая страница истории Восточной Европы. Без адекватного "прочтения" этой страницы не могут сложиться ни ясное понимание характера этнорелигиозных и религиозно-политических конфликтов в Речи Посполитой XVII в., ни объективная картина взаимодействия русской, польской и украинско-белорусской культур в Новое время, ни научно выверенные представления о характере взаимодействия восточного и западного христианства в истории Европы. Сверх того, тема диссертации имеет ключевое значение, во-первых, для объяснения роли религиозных факторов в развитии русско-украинско-белорусских отношений в XVI - XVII вв. и позднее; во-вторых, для понимания того, чем была и какую роль сыграла Брестская уния в истории Польши, Украины и Белоруссии; в-третьих, для научной разработки истории украинско-белорусской культуры в XVI в. и истории её взаимоотношений с русской культурой.

Актуальность темы обусловлена и тем, что проблематика диссертации весьма часто становится предметом внеученных идеологизированных и политизированных спекуляций. Наконец, наши знания об украинско-белорусском православии и генезисе Брестской унии до сих пор просты неполны, а многие из распространенных в научной и околонуучной литературе мнений, как показывает критическое изучение источников и историографической традиции, - превратны. Диссертация имеет целью заполнить соответствующие лакуны и способствовать становлению научно объективных представлений об истории христианской культуры и взаимодействия православия и католицизма в восточной части Европы на рубеже Нового времени.

Предмет и задачи исследования.

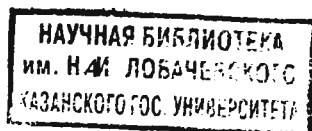
Предметом исследования являются процессы, характерные для внутренней жизни Киевской митрополии во второй половине XVI в., и генезис Брестской церковной унии 1596 г. Речь идёт о ряде тесно взаимосвязанных явлений в церковно-общественной жизни и христианской культуре украинско-белорусских земель во второй половине XVI в.: состоянии и особенностях украинско-белорусского православия в XVI в.; о развитии здесь (под воздействием локальных противоречий, великорусских

и польских влияний) религиозного неконформизма, отразившегося в том, что историки называют “ересь Феодосия Косого”; о вкладе русского “нестяжательства” (в лице старца Артемия) в развитие православной религиозной мысли Киевской митрополии во второй половине XVI в.; об инновациях в украинско-белорусской православной проповеди этих десятилетий; о конфликте православных братств и епископата Киевской митрополии в 1580-е годы; о цепочке событий и процессов приведших к возникновению греко-католической (униатской) церкви Украины и Белоруссии и о том, в какой степени различным было понимание унии в католических и православных кругах, пошедших на её провозглашение.

После заключения Брестской унии в 1595 - 1596 гг. на Украине и в Белоруссии развернулась долгая, упорная и по временам кровавая борьба между христианами двух церквей. Поэтому одна из трёх основных задач, поставленных в диссертации, состояла в том, чтобы объяснить, почему попытка сближения двух церквей посеяла жестокий раздор вместо воледеленного примирения. Двумя другими задачами диссертации было выяснить, из каких процессов выросла Брестская уния; изучить, каковы были тенденции эволюции украинско-белорусского православия во второй половине XVI в.

Соответственно, нужно было показать, насколько и в чем именно история Брестской унии и порожденных ею религиозно-общественных конфликтов связана с предшествующей историей православия в украинско-белорусских землях Великого княжества Литовского и Польского королевства. Связь эта состояла не просто в том, что Брестской унии *предшествовала* история прежних веков. В этом случае сцепление истории украинско-белорусского православия в XVI веке с генезисом унии было бы чисто механическим. Чтобы избежать этого, нужно было выяснить, в чем состояли органические и детерминирующие связи событий середины 1590-х годов с прошлым и насколько они позволяют понять коллизии эпохи Брестской унии. Иначе говоря, какими структурами, процессами и фактами истории православия в Речи Посполитой была порождена Брестская уния и как особенности церковной жизни и религиозной культуры украинско-белорусских земель сказались на характере религиозно-общественной борьбы после 1596 года?

Наряду с этим, в диссертации была поставлена задача критически перепроверить доминирующие в историографии представления о событиях и процессах, непосредственно предшествовавших провозглашению

унии в 1595-1596 гг., выяснить, насколько две стороны понимали друг друга в годы подготовки унии и в какой степени унионный проект 1590-1595 гг. был откликом на политику и пропаганду католической церкви и польского государства.

Хронологические рамки исследования.

Процессы и события, рассмотренные в диссертации, хронологически лежат между 1550-ми годами и 1595 г. Исходный рубеж определен тем, что именно в 1550-е годы видны первые признаки существенных перемен в религиозной жизни украинско-белорусских земель - развертывание здесь религиозно-обновленческих тенденций и возникновение групп религиозных диссидентов под влиянием местных факторов, польского протестантизма и русских "ересей". На протяжении трёх последующих десятилетий в Киевской митрополии, с одной стороны, вызревал и разворачивался конфликт между епископатом и той частью православного населения, которая стремилась пересмотреть традиционный церковный порядок и предлагала новые религиозно-идеологические ориентиры. С другой стороны, здесь развивались (в том числе среди высшего духовенства) обновленческие и охранительные тенденции, которые не предполагали кардинальных перемен в церковной жизни. И то, и другое остро дало о себе знать в 1590-1595 гг., когда часть православного духовенства решилась пойти на унию с Римской католической церковью. Уния была провозглашена 23 декабря 1595 года в Риме, и эта дата образует второй естественный хронологический рубеж диссертационного исследования.

Теоретико-методологические принципы.

Методология проделанного исследования черпает в разных традициях - в методологическом опыте отечественной историографии европейского христианства (труды Л. П. Карсавина, Н. И. Кареева, П. М. Бицилли, М. М. Смирнина, А.И. Клибанова, А.Н. Чистозвонова, М.А. Барга, А.А. Зимины, Н.Н. Покровского, Б. Н. Флори, Б. А. Успенского, А. Я. Гуревича и других отечественных исследователей); в традиции, связываемой с именем Макса Вебера, которая стремится показать воздействие различий между христианскими конфессиями на ход исторического процесса; в методологии и историографической традиции, ориентирующихся на изучение религиозных ментальностей, социально-антропологических аспектов христианства в том виде, в каком оно усваивалось и "переживалось" верующими (*christianisme vécu*, по выражению известного французского

историка Ж. Делюмо). В этом смысле методология исследования прагматична. Прагматична она и в том смысле, что подчинена поставленным задачам и проблемам и, соответственно, обращается к тем методологическим инструментам, которые ведут к намеченным целям. Предложенный в диссертации подход состоит в стремлении элиминировать априорные суждения и подвергнуть критической и эмпирической (то есть опирающейся исключительно на источники) проверке сложившиеся в историографии представления об украинско-белорусском православии второй половины XVI века и о генезисе Брестской унии. Автор стремился строго следовать принципу реконструирования исторического процесса в том виде, в каком он протекал “на самом деле”.

Необходимо также подчеркнуть, что диссертация написана с позиций, свободных от какой бы то ни было идеологии (конфессиональной, “национальной” и пр.).

Киевская митрополия второй половины XVI в. и генезис Брестской унии в научной историографии.

История православия в украинско-белорусских землях в XVI вв. разработана очень неровно. Первые руководства по истории Русской церкви содержали лишь самые общие и отрывочные сведения по истории православной церкви и унии на Украине и в Белоруссии в XVI - первой половине XVII вв. Митрополит Евгений (Болховитинов) и архиепископ Филарет (Гумилевский) впервые попытались собрать сведения о Киевской митрополии в XVI-XVII вв. Архиеп. Филарет обратил внимание на заметное участие протестантов в религиозной жизни Украины и Белоруссии.

Во второй половине XIX века стали создаваться первые собственно исследовательские труды по истории украинско-белорусского православия. Большое внимание исследователей привлекали церковные институты, церковное право и землевладение, история монастырей, развитие духовной письменности (труды М. Ф. Владимирского-Буданова, О. Левицкого, А. С. Грушевского, А. И. Покровского, Г. Булгакова, О. Лотоцкого). Православному духовенству были посвящены очень ценные разыскания О. Левицкого и В. М. Площанского, отдельные статьи других авторов. Большое число разрозненных публикаций посвящено отдельным епархиям, центрам православия, монастырям, церковным братствам.

Отношения с католической церковью и польским государством, трактуемые чаще всего очень пристрастно, были представлены в трудах

И. И. Малышевского, М. О. Кояловича, П. Н. Батюшкова, А. Ярушевича, Н. П. Дашкевича. Научная разработка этой темы начинается только в самом конце XIX - начале XX вв. в трудах В. Беднова, М. К. Любавского, Ф. И. Титова.

Много внимания в русской, польской и украинско-белорусской научной литературе было посвящено религиозно-культурным движениям второй половины XVI в., памятникам религиозной письменности, в частности, полемической литературе.

Обобщающую картину развития православия в Киевской митрополии в XVI веке дал митр. Макарий (Булгаков), чьи наблюдения и заключения пополнены, уточнены или отчасти критически пересмотрены Б. Н. Флорей в комментариях к недавнему переизданию исследования митр. Макария¹.

Вне пределов России первый компендиум сведений об истории украинско-белорусского православия в XVI веке был создан М. Гарасевичем, который чаще всего подробно пересказывал или цитировал *in extenso* документы, относящиеся к истории церкви. Особо следует отметить вклад М. С. Грушевского в разработку проблем истории православной церкви и православной религиозной культуры в Речи Посполитой XVI в. В его трудах, а также в работах И. Я. Франко, М. С. Возняка, К. Студинского разносторонне представлено развитие религиозной мысли, полемической и вообще религиозной литературы во второй половине XVI в.

Едва ли не центральным сюжетом польской историографии в области религиозной истории Украины и Белоруссии была политика польского государства в отношении православия. Здесь выделяется своей фундаментальностью и взвешенностью капитальный труд К. Ходыницкого². Существенной была работа А. Лапиньского³ и ряд частных исследований. Ряд статей посвящен позиции и политике католической церкви в отношении православия. Некоторые (очень немногочисленные) труды были посвящены внутренней истории украинско-белорусской православной церкви и ее институтам.

¹ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 5. Период разделения Русской Церкви на две митрополии. История Западнорусской, или Литовской, митрополии (1458 -1596). Под ред. Б. Н. Флори. Москва, 1996.

² Chodynicki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarzys historyczny. 1370-1632. Warszawa, 1934.

³ Łapiński A. Zygmunt Stary a Kościół prawosławny. Warszawa, 1937 (=Rozprawy historyczne Towarzystwa naukowego Warszawskiego. T. XIX. Zeszyt 1).

В период после 1945 г. появилось много работ по специальным аспектам истории украинско-белорусского православия XVI в., например, по истории отдельных регионов, епархий и монастырей, по истории духовенства, некоторым вопросам церковного права и богослужения. Первый синтетический очерк организационных структур православной церкви в Речи Посполитой XVI века создан Л. Беньковским⁴. Благодаря труду Б. Н. Флори сделан важный шаг в изучении институтов государственного и частного патроната в отношении православной церкви⁵. Наиболее динамично развивались исследования, касающиеся истории православной церкви и православия в связи с изучением истории украинско-белорусской культуры XVI в. Предметом трудов Я. Д. Исаевича, Е.Л. Немировского, Ю. А. Лабынцева, Г. Я. Голенченко, А. С. Зерновой, М. Б. Боянивской, И. З. Мицко, Н. В. Николаева, В. Фрис, М. Гембаровича, Б. В. Сапунова, А. Наумова и некоторых других исследователей стало развитие книгопечатания и рукописной книжности в украинско-белорусских землях. Важное значение для изучения истории украинско-белорусского православия этого периода имеют работы по истории литературы, полемической письменности, по истории религиозно-философской мысли этого периода. Появились крупные исследования, освещающие историю образования и культурно-просветительных центров в православных землях Речи Посполитой (исследование И. З. Мицко об Острожской академии⁶, исследования, посвященные кружку князя А. М. Курбского⁷). Много внимания уделяется изданию полного текста Библии в Остроге в 1580-1581 гг.

Труды Ф. Г. Калугина, С. Г. Вилинского, А. А. Зимина, А.И. Клибанова, Г. Шульца, Р. М. Маинки, Л. Е. Морозовой, Л. Ронки де Микелис внесли большой вклад в изучение “ереси Феодосия Косого” и деятельности старца Артемия в украинско-белорусских землях.

Хотя на основе того, что уже сделано учеными, постепенно вырастало новое представление о состоянии и главных тенденциях развития украинско-белорусского православия, предпринимавшиеся в 1940-е - 1960-е

⁴ Bieńkowski L. Organizacja kościoła wschodniego w Polsce // Kościół w Polsce. Vol. 2. Wieki XVI-XVIII. Kraków, 1969. S. 779-1049.

⁵ Флоря Б.Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992.

⁶ Мицько І.З. Острозька слов'яно-греко-латинська Академія (1576-1636). Кипів, 1990.

⁷ Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij. Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985; Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М.: Языки русской культуры, 1998.

годы попытки синтеза накопленных наукой данных по истории украинско-белорусского православия (А.В. Карташев, И. Власовский, Г. Лужницкий, И. Огиенко), на сегодняшний день не выглядят убедительными. Все четверо опирались в основном на устаревшую литературу, а не на источники и отнюдь не были свободны от конфессиональных и национальных пристрастий.

В самые последние годы предпринимались новые попытки обобщить накопившиеся знания об украинско-белорусском православии в XVI веке. Критический пересмотр некоторых стереотипов содержит опубликованный В. И. Ульяновским⁸ очень полный и эрудированный очерк истории украинского православия конца XV - XVI веков, включающий к тому же обильную библиографию.

При том, что количество книг и статей, обращенных к истории украинско-белорусского православия XV - XVI вв., относительно велико, в этой области исследований по-прежнему больше лакун, чем заполненных страниц. Это касается прежде всего приходской жизни, истории монашества и монастырей, духовенства как социальной группы, истории религиозных представлений и ментальности, культа святых и религиозной литературы в Киевской митрополии. Это касается и тех проблем, которые будут рассмотрены в диссертации - роли "ереси Феодосия Косого" в религиозно-общественной жизни украинско-белорусских земель, вклада старца Артемия в религиозно-культурное обновление Киевской митрополии во второй половине XVI в., новых тенденций в развитии проповеди в этот период.

Что же касается историографии генезиса Брестской унии, то она родилась вместе с греко-католической церковью, ибо уже в конце XVI - начале XVII века в полемических сочинениях и сторонников, и противников унии стали формироваться две соперничающие концепции свершившегося события. Одна из них видела в унии измену истинной вере и жестокий удар по украинско-белорусской церкви; другая - возвращение к естественному состоянию единства христианских церквей и благое для "Руси" дело. Одни объясняли "измену" православных епископов и их сторонников корыстью; другие приписывали им бескорыстное служение идеалу единой церкви.

⁸ Ульяновський В.І. Історія церкви та релігійної думки в Україні. В трьох книгах. Книга 1-2. Середина XV- кінець XVI століття. Київ, 1994.

В первой половине XVIII в. был создан первый ученый компендиум сведений по истории униатской церкви⁹.

В первой половине и середине XIX появился и ряд специальных исследований по истории православной церкви и унии в украинско-белорусских землях в 1596-1648 гг., открывающийся книгой Н.Н. Бантыша-Каменского¹⁰, который собрал много документов, отразивших борьбу православных против провозглашенной унии в первые десятилетия после Брестского собора. В первой же половине XIX века началась исследовательская работа по введению в научный оборот материалов из ватиканских архивов и библиотек. Первым польским ученым, работавшим в этих собраниях был Ян Альбертранди, первым российским - А. И. Тургенев. Плодом их деятельности стали первые публикации донесений нунциев, папских булл, директив курии, относящихся к Речи Посполитой и России.

Научно-критическое (то есть опирающееся на критический анализ источников) изучение генезиса Брестской унии начинается во второй половине XIX века. При этом следует иметь в виду, что при значительном числе работ, так или иначе касающихся Брестской унии, собственно научные исследования вовсе не многочисленны.

Особо стоит отметить исследование М.О. Кояловича по истории Брестской унии и религиозной жизни в украинско-белорусских землях¹¹. Он показал, как зародилась и развивалась идея унии с Римом между XIV веком и 1596 годом, какова была политика Рима в эпоху Брестской унии. Главную причину Брестской унии и последовавших за ней столкновений он видел в деятельности католической церкви и особенно иезуитов. И. И. Малышевский, посвятивший большой труд роли Александрийского патриарха Мелетия Пигаса в борьбе против унии¹², занимал, по сути, те же позиции, что М. О. Коялович. Сведения о начале унии давались и в других публикациях, а их интерпретация следовала той же линии, что и книги М. О. Кояловича и И. И. Малышевского.

⁹ Kulczynski I. Specimen Ecclesiae Ruthenicae ab origine susceptae fidei ad nostra tempora in suis capitibus seu Primatibus Russiae cum S. Sede Ap. semper unitae. Romae, 1733; Poczaiw, 1759; 3-е изд.: Paris, 1859.

¹⁰ Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805.

¹¹ Коялович М.О. Литовская церковная уния. Т. 1-2. СПб., 1859-1861.

¹² Малышевский И.И. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви. Т. 1-2. Киев, 1872.

Созданная Кояловичем и Мальшевским концепция очень характерна для русской официозной историографии XIX. Вместе с тем отчетливо виден вклад “Истории Русской церкви” митрополита Макария (Булгакова) в научное изучение происхождения Брестской унии. Уния, по выводу митр. Макария, стала следствием кризиса православной церкви и духовенства, с одной стороны, и агрессивной политики польского правительства и католической церкви - с другой. Большой вклад в изучение генезиса Брестской унии внес и О. Левицкий. С его точки зрения, подкрепленной доскональным знанием источников, уния была порождена прежде всего внутренним кризисом православной церкви, подтолкнувшим часть иерархии и мирян к объединению с католиками, чем и воспользовалась римская дипломатия и польское правительство.

Вопрос о генезисе Брестской унии изучался и за пределами России. В польской историографии Брестской унии было посвящено специальное исследование Э. Ликовского¹³, который использовал и некоторые неопубликованные донесения нунциев из ватиканских архивов. Он подчеркивал, что тяготение к унии родилось в ответ на упадок православного духовенства и распространение ересей в православной среде. К унии стремились обе стороны, продолжая флорентийские традиции. В том же ключе генезис Брестской унии представлял Ю. Пелеш¹⁴. Уния, в концепции Пелеша, не что иное, как восстановление единства, существовавшего до середины XI века и декларированного в 1438-39 гг.

Другие работы (Е. Бартошевича, М. Гарасевича, А. Гэпена, А. Петрушевича) ограничивались самыми общими сведениями о Брестской унии, которая рассматривалась как естественная попытка восстановить единство христианской церкви. Появлялись важные, хотя и тенденциозно селективные публикации А. Тейнера, большой массив новых источников по истории римской политики на востоке Европы ввел в оборот П. Пирлинг.

В конце XIX - начале XX вв. стали вводиться в широкий научный оборот материалы Ватиканских архивов. Были осуществлены первые их научные публикации. Новым поколениям историков (П. Н. Жуковичу, Е. Ф. Шмурло, К. Ходыницкому, О. Халецкому, Б. Н. Флоре, С. Н. Плохию,

¹³ Likowski E. Historia unii Kościoła ruskiego z Kościołem rzymskim. Poznań, 1907 (Первое издание: Poznań, 1875).

¹⁴ Pelesch J. Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Bd. 1-2. Wien, 1878-1880.

С. Г. Яковенко, Я. Дзенглелевскому, Б. Гудзяку и др.) удалось вскрыть закулисные механизмы принятия решений об унии и осветить многие повороты в развитии религиозно-политической борьбы в Речи Посполитой в период между 1550 и 1596 гг.

Специальные изыскания, посвященные генезису Брестской унии, в этот период были предприняты только П. Н. Жуковичем. Он подробно проанализировал разные аспекты религиозно-политической борьбы, составлявшей контекст Брестской унии, и рассмотрел историю переговоров, приведших к заключению унии. Не делая никаких обобщающих выводов, Жукович тем не менее показал, что для православной иерархии уния была средством выхода из внутрицерковного кризиса и не предполагала ни полного подчинения Риму, ни коренной перестройки существовавших традиций. Другие авторы, писавшие о Брестской унии (М.С. Грушевский, О. Сушко, Е. Ф. Шмурло, А.А. Савич, В.Н. Площанский, И. Я. Франко, М. Возняк), не предпринимали специальных изысканий, чтобы осветить ее зарождение.

В польской довоенной историографии Брестской унии К. Ходыницкий¹⁵, опираясь на результаты анализа всей совокупности данных о состоянии Киевской митрополии в XV- первой половине XVI вв., подтвердил мнение, что во второй половине XVI века кризис церкви и духовенства привел к конфликтам в православной среде, которые стали одним из факторов генезиса Брестской унии. Саму же унию он рассматривал, тем не менее, как данный в этих условиях ответ православного духовенства на католическую пропаганду в пользу воссоединения церковей. К. Левицкий¹⁶ представил несколько иную картину и подчеркнул агрессивность польской и римской политики и остроту противоречий между православными и католиками.

В послевоенный период публикация материалов Ватиканских архивов существенно обогатила источниковую базу для изучения генезиса Брестской унии. Специальные исследования разных аспектов этой проблемы принадлежат перу О. Халецкого, И. Крайцара, И. Мончака, С. Н. Плохия, С. Г. Яковенко, Б.Н. Флори и Б. Гудзяка.

О. Халецкий¹⁷ первым систематически исследовал переписку нунциев с Римом и подробно проанализировал политику курии в отношении

¹⁵ Chodynicki K. Op. cit.

¹⁶ Lewicki K. Książę Konstanty Ostrogski a Unja Brzeska 1596 r. Lwów, 1933 (= Archiwum Towarzystwa naukowego we Lwowie, dział II, tom XI, zeszyt 1).

¹⁷ Halecki O. From Florence to Brest (1439-1596). Hamden 1968 (первое издание: Rome, 1958).

православной церкви Украины и Белоруссии. Суть обоснованной автором концепции в том, что Брестская уния была “региональным возобновлением Флорентийской унии среди рутенов Польско-Литовского государства”, плодом долгих и целенаправленных усилий папской дипломатии и католической пропаганды.

С. Н. Плохий и С. Г. Яковенко в своих работах развили идею о том, что Брестская уния была результатом католической политики. С. Н. Плохий при этом главным фактором считает унионные планы Рима, а С. Г. Яковенко подчеркнул роль нунциев в подготовке Брестской унии. Ряд новаторских наблюдений сделан в работах Б.Н. Флори. Он показывает, что обращение православных иерархов к унии было ответом на кризис организационных структур Киевской митрополии во второй половине XVI века и угрозу сословным позициям духовенства со стороны православных мирян (шляхетских патронов и братств). В ходе унионных переговоров 1590-1595 годов окончательный поворот в сторону сближения с Римом произошел лишь тогда, когда летом-осенью 1594 года стало ясно, что компромисс между духовенством, с одной стороны, и братствами и шляхетскими опекунами церкви, с другой, невозможен и, соответственно, невозможна согласованная внутрицерковная реформа.

Среди работ, посвященных частным вопросам, стоит отметить прежде всего статью И. Крайцара, которая фактически опровергает представление о том, что иезуиты в 1580-е годы вынашивали планы унии и пытались воплотить их в жизнь¹⁸. В ряде других статей И. Крайцара и других авторов затронуты некоторые иные специальные вопросы предистории Брестской унии.

Вопрос о Брестской унии, ее причинах и последствиях постоянно привлекает тех, кто занимается политикой Рима на Востоке и его отношениями с православными церквями. Работы А. Жобера, В. Пери, Э. Х. Зуттнера, А. Аммана, В. де Вриса, Б. Хайбергера позволяют понять, какими принципами, соображениями и обстоятельствами руководствовались руководители Римской курии в своих действиях в отношении православной церкви.

Конфессиональные пристрастия проникают даже в научные работы послевоенного периода, но они особенно заметны в многочисленных

¹⁸ Krajcar J. Jesuits and the Genesis of the Union of Brest // *Orientalia Christiana periodica*. Т. XXXI (1978). P. 131-153.

очерках истории православия и унии, написанных на основе материалов “из вторых рук”. Это относится и к обобщающим книгам И. Огиенко, И. Власовского, А. Великого.

В советской “атеистической” историографии, и в издаваемых и переиздаваемых теперь сочинениях православных авторов об унии, пишется то же, что писалось в русских официозных трудах до революции (М. О. Коялович, И. И. Малышевский и др.). Со своей стороны, не отстает в полемике и конфессионально ангажированная католическая и униатская публицистика.

Генезису Брестской унии посвящен ряд работ, вышедших в самое последнее время, в связи с 400-летним юбилеем собора 1596 года. Тут особенно заметны изданная Гарвардским университетом книга ректора греко-католической Богословской академии во Львове Б. Гудзяка и коллективная монография, изданная Институтом славяноведения и балканистики РАН под руководством Б.Н. Флори. Новизна книги Б. Гудзяка¹⁹ - в попытке показать, что одной из важнейших причин рождения греко-католической церкви были не только политика Рима и внутренний кризис православной церкви Речи Посполитой, но и процессы, шедшие в Константинопольской патриархии. Поэтому значительная часть его исследования касается сведений о состоянии православной церкви под турецким владычеством в XVI веке, деятельности патриархов, контактов греческого духовенства с Россией в это время, создания Московского патриархата.

Московские авторы²⁰, отвечая на вопрос о причинах унии и подтвердив ряд мнений, сложившихся в научной историографии, показывают, что “обращение епископов к идее унии было связано с их неспособностью собственными силами положить конец оппозиции” со стороны братств. Идя на унию, епископы надеялись сохранить в неприкосновенности все традиции православия (а не одну лишь обрядность), и “уния с Римом рассматривалась епископами прежде всего как акт смены юрисдикции, за которым не должна была следовать рецепция отношений, характерных для католического мира”.

¹⁹ Gudziak B. A. Crisis and Reform. The Kievan Metropolis, the Patriarchate of Constantinople and the Genesis of the Union of Brest. Cambridge: Harvard University Press, 1996 (=Harvard Series on Ukrainian Studies).

²⁰ Дмитриев М. В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI - начале XVII в. Часть 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1996.

Новые тенденции заметны и в ряде других недавних научных публикаций. Так, ставится вопрос о том, что унионная инициатива православных епископов родилась не столько в результате соответствующей пропаганды католических кругов, сколько из стремления осуществить реформу внутри Киевской митрополии. Историки обращают внимание на обострение религиозно-культурных и этнических противоречий в Восточной Европе в связи с Брестской унией, подчеркивают, что в разные эпохи Рим по-разному подходил к проблеме унии церквей, и показывают, что православная иерархия после 1596 г. все ещё надеялась на пересмотр условий унии на основе иной, чем римская, экклезиологии. Ставится вопрос о необходимости взглянуть на унию с точки зрения более широких, чем прежде, исследовательских перспектив, и одной из таковых выступает подход к самой унии и к порожденной ею полемике с точки зрения столкнувшихся в них православных и католических представлений о спасении. С. Сеньк²¹ в противоположность распространенному стереотипу, показывает, что заинтересованность католической стороны в унии не играла сколько-нибудь важной роли в зарождении самого унионного проекта в сознании православных епископов, а папский нунций включился в подготовку унии лишь через несколько лет после того, как епископы сделали свой первый шаг навстречу Риму.

В целом, можно выделить две основные точки зрения на генезис Брестской унии, сложившихся в разное время и присутствующих в исторической науке и историческом сознании по сей день.

Одна из них восходит к католической и греко-католической конфессиональной историографии. Она состоит в том, что уния стала результатом обоюдного стремления православных и католиков к объединению, к восстановлению разрушенного некогда единства под эгидой Римского папы, к идеалам Флорентийской унии.

Точка зрения, восходящая к православной конфессиональной позиции, видит в унии результат прозелитических усилий католического духовенства, которое опиралось на прямую поддержку польского государства, использовало насильственные методы и воспользовалось кризисным состоянием Киевской митрополии во второй половине XVI века, чтобы “соблазнить” унией православных.

²¹ Senyk S. The Background of the Union of Brest // *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*. T. XV (1996). P. 103-144.

Объективистски настроенные историки были среди представителей обеих традиции, наука развивалась и при наличии конфессионально-культурных предпочтений.

Последние десятилетия показали, что возможен и внеконфессиональный научный подход к истории греко-католической церкви и, в частности, к ключевой теме генезиса Брестской унии. Этот подход выражен исследованиями С. Н. Плохия, С.Г. Яковенко, В. И. Ульяновского, Б. Гудзяка, Б. Н. Флори.

Итак, господствующее на сегодняшний день в историографии и историческом сознании представление состоит в том, что Брестская уния была результатом католической политики и пропаганды, нашедших отклик в православной среде по причине кризиса Киевской митрополии. Многие стороны истории Брестской унии подробно изучены. Значительно число трудов, свободных от венаучной предвзятости.

Вместе с тем, в генезисе Брестской унии есть ряд аспектов, которые не получили должного освещения в историографии.

Источниковая база.

Источниковая база исследования достаточно разнородна.

Первую группу составляют официальные документы польского, римского и украинско-белорусского происхождения: королевские универсалы, привилегии, жалованные грамоты и пр.; папские буллы, бреве, постановления конгрегаций; решения церковных соборов, постановления братств, распоряжения митрополита, декларации, подписанные духовенством.

Вторую группу составляют частные акты - заявления, протестации, договоры отдельных лиц, связанные с теми или иными процессами в религиозно-церковной жизни.

Третью группу источников составила корреспонденция. Она очень разнообразна. Это и переписка папских нунциев с Римом; и польских духовных и светских сановников друг с другом и с их украинско-белорусскими корреспондентами; письма и послания, которыми обменивались православные иерархи, братства, представители константинопольского духовенства, украинско-белорусская знать.

Четвертую группу источников составили публицистические, полемические и проповеднические сочинения, в редких случаях - произведения агиографического и исторического жанров.

Все эти группы источников вполне репрезентативно представлены в ряде серийных публикаций XIX - XX вв., в периодических научных изданиях, в отдельных изданиях.

Диссертация опирается на большое число неопубликованных источников из варшавского Главного архива древних актов, рукописных отделов Российской Государственной библиотеки, Российской Национальной библиотеки и Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге, Центральной Научной библиотеки Академии наук Украины в Киеве, Научной библиотеки им. В. Стефаника во Львове, львовского Исторического музея, львовского Музея украинского искусства, библиотеки АН Литвы, архива Петербургского отделения Института российской истории.

Необходимые источниковедческие экскурсы содержатся в соответствующих разделах исследования.

Научная новизна работы состоит в следующем. 1). Впервые показано (на основе большого массива учительных Евангелий, четких книг и полемических сочинений), как в религиозной мысли, проповеди и полемике Киевской митрополии во второй половине XVI разворачивались обновленческие тенденции, опиравшиеся по преимуществу на специфически православные конфессионально-культурные традиции. 2). Выяснилось, что «ересь Феодосия Косого» была явлением украинско-белорусской религиозной жизни по меньшей мере в той же степени, что и русской. Соответственно, включение информации русских источников в контекст сведений о религиозных конфликтах в украинско-белорусских землях и о польском протестантизме 1550-х - 1570-х годов позволило заметно обогатить наши знания о реформационных течениях в украинско-белорусском православии второй половины XVI в., с одной стороны, и предложить новое прочтение русских полемических памятников («Истины показания к вопросившим о новом учении», созданного Зиновием Отенским, и «Послания многословного»), с другой. 3). Вопреки устоявшейся в историографии точке зрения, показана преемственность (а не переменна) в религиозных взглядах известного полемиста и церковного деятеля старца Артемия в периоды до и после его вынужденной эмиграции в Литовскую Русь. Это означает, что и в украинско-белорусских землях старец Артемий продолжал проповедовать и распространять религиозные идеи, свойственные русским «нестяжателям». А поскольку Артемий оказал очень значительное влияние на обновленческие процессы в Киевской митрополии, одним из важнейших истоков этого обновления и так

наз. «православного возрождения» в восточных землях Речи Посполитой нужно считать «нестяжательство». 4). В диссертации показано, что возникшие во второй половине 1580-х годов православные церковные братства нового типа стали продуктом процессов религиозного обновления 1550-х - 1580-х годов. Обоснован тезис, что братское движение не было ни своего рода «восточнохристианским протестантизмом», ни привнесением в православную среду институтов и идей, свойственных католицизму и Католической Реформе. Исток братского движения и его идеологии - специфически православная экклезиология, чьи нормы и категории не имеют прямых аналогов в церковной жизни Запада в позднее Средневековье и раннее Новое время. 5). Установлено, что унионная инициатива православного епископата Киевской митрополии в 1590 г. (и, соответственно, сама Брестская уния) была порождена конфликтом между братствами и православными иерархами. Так как братства были поддержаны Константинопольской патриархией, в переходе под власть Рима усматривалось, таким образом, средство преодолеть церковный кризис в Киевской митрополии. Уния первоначально рассматривалась православными епископами как инструмент в борьбе за власть в церкви. Объединение с католиками не было самоцелью, и «флорентийская традиция», как и католическая пропаганда унионизма, не играли существенной роли в генезисе унионной инициативы православного епископата. 6). Благодаря использованию опубликованных документов из архивов Ватикана и некоторым находкам в варшавском Главном архиве древних актов, в диссертации критически пересмотрены доминирующие в историографии представления о том, как именно подготавливалась уния в 1590-1595 гг. Многие из сделанных частных наблюдений показывают, что среди православных иерархов не было ни единства в унионных планах, ни решимости довести их до конца; что ход подготовки унии с православной стороны напрямую зависел от того, как развивались внутренние конфликты в Киевской митрополии; что католическая сторона долгое время или не принимала всерьез унионную инициативу, или опасалась её поддержать; что подготовка унии в 1590-1595 гг. часто сопровождалась грубыми интригами, намеренными и ненамеренными обманами и подлогами. 7). В диссертации показано, что стремясь к унии, католические и православные иерархи и идеологи понимали её совершенно по-разному и, с другой стороны, не понимали, что для партнеров по переговорам «уния» значит что-то иное, чем для них самих. Сопоставление соответствующих источников, дошедших до нас с православной и католической стороны, показало, что в кардинально

разных взглядах на унию (уния как безоговорочное подчинение власти и авторитету Римской курии и признание правоты католиков во всех существенных спорных вопросах; уния как соглашение о признании за римским папой прав, аналогичных правам константинопольского патриарха, при условии получения гарантий неприкосновенности всех институтов, обычаев, обрядов и вероучительных традиций Киевской митрополии) выражалось глубинное и принципиальное несходство двух христианских ментальностей - особенно в том, что касается экклезиологии.

Практическое значение исследования и апробация его результатов. Проведенное исследование позволило, во-первых, преодолеть ряд стереотипов и заполнить многие лакуны в наших знаниях о религиозно-общественных процессах в Украине и Белоруссии во второй половине XVI в.; во-вторых, предложить новый взгляд на внутреннее развитие украинско-белорусского православия в второй половине XVI в. и на связи православных культур Московской и Литовской Руси в это время; в-третьих, предложить новую концепцию генезиса Брестской унии. Всё это открывает новые возможности для изучения истории христианства в Восточной Европе в XVI веке и взаимодействия православия, католицизма и протестантизма в этом регионе. Изучение исторического опыта Киевской митрополии во второй половине XVI в. и опыта подготовки унии церковью в 1590-1595 гг. помогает выработать адекватное представление о социальных функциях и конфессионально-культурных особенностях западнохристианской и византийско-православных традиций. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении роли религиозных факторов в развитии Восточной Европы, особенностей культур и социумов, выросших на основе «латинских» и православных традиций, в дальнейшем изучении и преподавании истории Украины, Белоруссии, Литвы, Польши и России.

Исследовательский проект по теме диссертации был поддержан Историческим факультетом МГУ и Варшавским университетом, грантом института «Открытое общество», что позволило автору вести работу в библиотеках, рукописных собраниях и архивах Санкт-Петербурга, Львова, Киева, Варшавы, Вильнюса, Харькова в 1985 - 2000 гг.

По теме исследования сделана серия докладов на научных конференциях и семинарах в университетах и научных центрах Москвы, Петербурга, Минска, Киева, Львова, Харькова, Луцка, Ровно, Ивано-Франковска в 1985-2000 гг., в Институте истории Словацкой академии наук (1992 г.),

в Варшавском (1987 и 2001 гг.), Венском (1991 и 2001 гг.) и ряде других зарубежных университетов в 1991-2001 гг.

Апробация основных результатов исследования проводилась в 1984-2001 гг. в ходе преподавания на Историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и ряде университетов за рубежом России.

Выводы диссертации изложены в монографиях и статьях, опубликованных в России и за рубежом (см. список работ).

Структура исследования. Диссертация построена по проблемно-хронологическому принципу. Она состоит из 8 глав и заключения. Характеристика источниковой базы исследования и историографии украинско-белорусского православия второй половины XVI и генезиса Брестской унии дается в первой главе диссертации. Источники, касающиеся «ереси Феодосия Косого» и деятельности старца Артемия, как и историография, относящаяся к этим сюжетам, охарактеризованы в соответствующих главах диссертации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе охарактеризованы предмет, задачи исследования, поставлены исследовательские вопросы и представлена источниковая база диссертации. Здесь же дан очерк историографии генезиса Брестской унии и истории украинско-белорусского православия во второй половине XVI в.

В второй главе *“Православие в Великом княжестве Литовском и Польском королевстве во второй половине XV - первой половине XVI вв.: церковные институты, религиозная культура, первые перемены”* охарактеризованы основные институты православной церкви украинско-белорусских земель в XVI веке (связи с Константинопольской патриархией, отношения митрополита и епископов, участие государства в регулировании церковной жизни, институты государственного и частного патронажа, роль соборов, «крылосов» и церковных братств в развитии Киевской митрополии, право, администрация, суд, финансы православной церкви) и состояние религиозной культуры, в частности, православной книжности. На примере деятельности белорусского первопечатника Франциска Скорины и памятников письменности, связанных с т.н. “ересью жидовствующих”, охарактеризованы первые перемены в интеллектуально-религиозной жизни православных земель Речи Посполитой во второй половине XV - первой половине XVI в.

В этой главе показано, что в украинско-белорусском православии было много черт и особенностей, важных для понимания процессов, развернувшихся во второй половине XVI века. Во-первых, своеобразны были институты православной церкви Великого княжества Литовского и Галичины (особенно институт патроната и «крылосов»), обеспечивавшие мирянам широкое участие в управлении церковью. Во-вторых, важнейшим фактором в жизни украинско-белорусского православия были теснейшие контакты с католиками и католической церковью. В-третьих, несмотря на внешний застой, в религиозной культуре украинско-белорусских земель конца XV - первой половины XVI века обозначились перемены.

В третьей главе *«Ересь Феодосия Косого» в истории украинско-белорусского православия (1550е -1570е гг.)* рассмотрены данные источников о религиозном движении, связываемом обыкновенно с именем Феодосия Косого - известного русского религиозного диссидента середины XVI века, который выступает в сохранившихся текстах как предводитель и вдохновитель «ереси», распространившейся в русских и украинско-белорусских землях в третьей четверти XVI в.

В диссертации рассмотрено, какую роль «ересь Феодосия Косого» сыграла в религиозной жизни украинско-белорусских земель и насколько созданные в пределах Русского государства источники, касающиеся Феодосия Косого и его учения, могут быть использованы для изучения процессов, шедших в православных землях Речи Посполитой и связанных с генезисом Брестской унии. Суть проблемы состоит в том, что основные источники, доносящие сведения о Феодосии Косом и его движении, происходят из новгородских земель и считаются памятниками, не имеющими прямого отношения к истории украинско-белорусского православия. В диссертации показано, что этот взгляд ошибочен и что русские сочинения, направленные против учения Феодосия Косого и созданные через десять лет после его бегства в Литву, адекватно прочитываются именно в украинско-белорусском и, отчасти, польском контексте и доносят ценнейшую информацию о переменах в религиозной культуре православного населения Речи Посполитой. Показано, что, по строгому счету, связывать отраженные в источниках факты с именем одного лишь Феодосия Косого нет оснований, поэтому само понятие «ересь Феодосия Косого» взято нами в кавычки.

Объединение данных русских, польских и украинско-белорусских источников и их комплексное рассмотрение позволило утверждать, что «ересь Феодосия Косого» представляла собой религиозное движение

возникшее в результате взаимодействия польского протестантизма и антитринитаризма с восточнославянскими «ересями» середины XVI в., продолжавшими «ересь жидовствующих». Каков был вклад самого Феодосия Косого в формировании идеологии этого движения, сказать трудно. Сложившиеся в историографии представления об «ереси Косого» как об явлении преимущественно русской истории не являются адекватными. Как показано в диссертации, русские полемические сочинения (в первую очередь «Послание многословное» и написанное Зиновием Отенским «Истины показание к вопросившим о новом учении») доносят прямую информацию о том, что делалось в восточнославянских землях Речи Посполитой, и должны быть использованы для пополнения и истолкования источников украинско-белорусского происхождения. Источниковая база для изучения религиозной жизни Украины и Белоруссии в третьей четверти XVI века, таким образом, существенно расширяется.

Кроме того установлено, что для изучения религиозного неконформизма 1560-х годов в православных областях Речи Посполитой принципиальное значение имеют данные о «еретиках - гусах» из рукописного сборника из собрания М.П. Погодина в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Петербурге. Упоминания о гуситах в полемических сочинениях второй половины XVI - начала XVII века (Креховский апостол, А.М. Курбский, А. Селява) должны интерпретироваться в связи с данными Погодинского сборника.

Рассмотренные в данной главе диссертации источники показали, что «ересь Феодосия Косого» свидетельствует о быстрой трансформации религиозного сознания части православного общества Речи Посполитой. Эта трансформация касалась самых фундаментальных вопросов церковной жизни. Она подготавливала религиозный кризис 1580-х годов. Религиозный неконформизм третьей четверти XVI в. оказывал важное (хотя и не непосредственное) воздействие на процессы, приведшие в конце концов к церковной унии.

В четвертой главе *“Старец Артемий в истории украинско-белорусского православия второй половины XVI в.”* рассмотрена роль, сыгранная в изменении религиозных ориентиров украинско-белорусской культуры старцем Артемием, виднейшим представителем и идеологом русского «нестяжательства», бежавшим в середине XVI века из Соловецкого монастыря в Литовскую Русь. В этой главе диссертации показано, что взгляды Артемия, высказанные в его посланиях к многочисленным корреспондентам и приобретенные большой “идеологический” вес

в православной культуре Речи Посполитой, с трудом поддаются строгой квалификации в рамках сложившихся в изучении истории православия и западного христианства стереотипов. Упрощенность и односторонность принятых мнений о богословских идеях Артемия хорошо показана немецким ученым Г. Шульцем в ходе скупуплезного исследования посланий, написанных Артемием до эмиграции в Литву. В частности, придя к выводу, что принцип *sola Scriptura* “обозначает много большее и совсем другое, чем то, что мы находим у Артемия”²² и отвергнув как необоснованное предположение о протестантском влиянии на Артемия, Г. Шульц выяснил, что взгляды Артемия были результатом внутренней эволюции “нестяжательства”. Артемий синтезировал идеи «нестяжателей» в “применимую к практике” систему, которая строилась вокруг двух основных полюсов – представлений о роли Христовых заповедей и концепции “законных” или “божественных писаний”.

Заключение Шульца о том, что теология и религиозно-практические идеи Артемия выросли именно из православных истоков, послужили отправной точкой предпринятого в диссертации сравнения Артемиевых посланий, написанных *до* и *после* бегства в Литовскую Русь. Проведенный анализ обнаружил, что в двух наиглавнейших вопросах – понимании “божественных писаний” и евангельских заповедей – Артемий остался вполне верен взглядам московского периода, и именно развитая и обобщенная Артемием религиозная программа “нестяжательства” составила предмет “экспорта” из России в Украину и Белоруссию в середине XVI в. Восприятие идей «нестяжателей» в Литовской Руси было облегчено тем, что в Московской Руси они выросли на почве той же церковной письменности, какая была хорошо известна и почиталась в православных землях Речи Посполитой. Поэтому мы имеем дело не только с русским влиянием на украинско-белорусскую культуру, но и с общей для всего восточнославянского региона тенденцией религиозного развития.

Некоторые перемены в идейных позициях Артемия, тем не менее, имели место – например, Артемий отказался от критического взгляда на чудеса и культ святых. Однако в главном его взгляды остались теми же, какими они были в Москве. Став в эмиграции апологетом православия,

²² Schulz G. Die theologieggeschichtliche Stellung des Starzen Artemij innerhalb der Bewegung der Besitzlosen in Russland der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Erlangen, 1980 (=Oikonomia. Quellen and Studien zur Orthodoxen Theologie. XV). S. 115.

Артемий противопоставил протестантам и местным диссидентам не инертную схему традиционализма, но систему обновленных, отсылающих на новые потребности и обстановку второй половины XVI в. взглядов.

Проблематика посланий Артемия никак не ограничивалась обрядовыми вопросами. Одно из центральных мест в ней занимают антропологические, сотериологические и этические вопросы. В этой области Артемий встал на позиции, которые можно определить как евангелизацию православия. В его посланиях Евангелие систематически противопоставляется «плотскому» и «внешнему» пониманию христианства, и с этим противопоставлением связан ряд ведущих религиозно-этических, антропологических и даже гносеологических понятий в посланиях Артемия. Евангелие противопоставлено Ветхому Завету как живая вера – сумме мертвых предписаний и механически затверженных культовых действий, как свобода – рабству, как любовь – принуждению, как духовность – плотскости. Согласно толкованиям Артемия неоспоримо главная, если не единственная, норма христианства состоит в евангельской заповеди любви к Богу и ближнему, и этот этический императив Евангелия обладает приоритетом по сравнению с таинствами и любым обрядом (“Заповедей господних соблюдение есть истинное церкви Христови украшение. Кроме же сих, яко учат нас божественная писания, ни вера правая, ни пост, ни телесное злострадание, ниже церковное видимое многоцветное украшение, ниже пение великогласное, ниже ино видимое мнимое благочиние кое ... ползовати нас может, житию сушу растленну”²³).

“Евангелизаторство” шло рука об руку со стремлением утвердить в сознании общества новые, интериоризированные нормы благочестия. Это видно, в частности, из того, как Артемий трактует вопрос о значении обряда и иконопочитания в жизни верующего. Гносеологические аспекты религиозной мысли Артемия отражены на тех страницах посланий, которые касаются отношения к Св. Писанию и понятия “разум духовный”. Если основным требованием сложившейся в восточнославянском православии к XVI в. традиции было «смирение ума», то подход Артемия значительно более гибок. С одной стороны, и он требует не обольщаться возможностями “плотского” разума, «смирить» ум, с другой, вслед за известным русским «нестяжателем» Нилом Сорским, Артемий

²³ [Артемий]. Послания старца Артемия. Изд. П.А. Гильтебрант // Русская историческая библиотека. Т. IV. СПб., 1878. (=Памятники полемической литературы в Западной Руси. Т. I). Стб. 1399.

призывает “испытывать божественные писания”, без чего, по мнению Артемия, невозможно восхождение к высшему знанию – “знанию духовному”.

Взгляды Артемия противостоят традиции отнюдь не во всех аспектах. Многие в его идеях глубоко традиционны и даже консервативны (например, трактовка «самовластия» человека, греха, покаяния, смирения), и без этого он вряд ли бы стал признанным авторитетом в православных кругах Речи Посполитой. Но в целом послания Артемия показывают, что «нестяжательство» и конфликтная идейная обстановка середины XVI в. оказали стимулирующее воздействие на развитие религиозно-философской доктрины православной церкви в Украине и Белоруссии, понуждая ее к внутреннему обновлению. Для новой системы представлений характерно утверждение примата внутренних религиозных переживаний над «обрядоверием»; постоянное и настоятельное противопоставление евангельских заповедей нормам Ветхого Завета; сведение к минимуму числа нравственно-религиозных регулятивных предписаний; требование критического восприятия церковного предания. «Нестяжательство» Артемия стало отправной точкой процесса идейного обновления украинско-белорусского православия во второй половине XVI в. В диссертации выдвинут тезис, что в развитии «нестяжательства» на украинско-белорусской почве можно видеть процессы, аналогичные начальной стадии так наз. “конфессионализации” (“Konfessionalisierung”), которая характерна для западноевропейского христианства этой эпохи. “Конфессионализация” на Западе начиналась с осмысления того, что составляло специфику одной конфессии по сравнению с другой, например, протестантизма по сравнению с католицизмом.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что конфессиональное сознание Артемия остается открытым. Он готов вести диалог с протестантами, вполне терпимо и даже доброжелательно относится к католицизму, его ученый полемический “антииудаизм” имеет очень мало общего с антисемитизмом.

Именно такая позиция обеспечивала гибкость и динамизм развитию главных течений в украинско-белорусской религиозной мысли второй половины XVI в., на развитие которой Артемий оказал существенное влияние. Влияние старца Артемия (и, соответственно, «нестяжательства») на украинско-белорусскую религиозную мысль особенно заметно в рукописных учительных Евангелиях второй половины XVI – первой половины XVII в.

Пятая глава диссертации *“Перемены в религиозной культуре православных земель Речи Посполитой во второй половине XVI: инновации и традиции в рукописных учительных Евангелиях и четьих сборниках”* посвящена, главным образом, рукописным учительным Евангелиям, десятки списков которых относятся ко второй половине XVI в. Эти памятники отразили быстрое нарастание перемен в православной культуре украинско-белорусских земель Речи Посполитой во второй половине XVI в. Причинами этих перемен были и внешние импульсы, и логика внутреннего развития украинско-белорусской церкви; самым заметным и известным выражением - развитие кириллического книгопечатания, школьного образования, полемики, переводческого дела. В диссертации рассмотрен вопрос, менялся ли характер православной проповеди в новых условиях? В чем состояли перемены, если они имели место? Эти вопросы важны и потому, что сложившаяся в историографии традиция очень часто рисует внутреннюю жизнь православного прихода в Речи Посполитой вплоть до Брестской унии как нечто инертное, косное, мало-подвижное. Все проявления динамизма сводятся к рецепции влияний католицизма или протестантизма или к реакции самосохранения в борьбе с ними. Нет книги, которая не отмечала бы кризисные явления в жизни православной церкви, но практически нет работ, которые говорили бы о попытках православного духовенства преодолеть этот кризис и ответить своими силами на вызов времени. Такое положение объясняется во многом неразработанностью источниковой базы, хотя ресурсы архивов и рукописных собраний использованы пока еще в очень незначительной степени. В диссертации поставленные вопросы изучены на материале особой категории памятников - украинско-белорусских рукописных учительных Евангелий второй половины XVI в. В дополнение к учительным Евангелиям были привлечены некоторые четьи сборники того же времени.

Проведенный анализ позволил утверждать, что мы стоим на пороге совсем нового взгляда на состояние православной приходской жизни в Речи Посполитой во второй половине 16 века. Во-первых, рассмотренные учительные Евангелия и четьи сборники украинско-белорусского происхождения показывают, что православная проповедь приспособилась к новым религиозно-культурным обстоятельствам. Этот отклик на потребности времени выражался не только в активизации проповеднической деятельности церкви, но и в изменении самого содержания проповеди. Она менялась не только в том смысле, что вступала в полемику

с протестантами и местными еретиками, но и в том, что по-новому представляла акценты в интерпретации христианского учения и религиозно-этических норм, следуя пути, проложенному русскими «нестяжателями» и старцем Артемием.

Во-вторых, содержание учительных Евангелий, четьих сборников и сведения о “православном возрождении” второй половины XVI в. побуждают уточнить, каков был характер т. н. кризиса православной культуры Киевской митрополии. Это был кризис роста, а не кризис деградации. И именно поступательное развитие христианской культуры обусловило подъем критики в адрес церкви и стремление к реформам.

В-третьих, эти же источники позволяют увидеть успехи христианской аккультурации (то есть более глубокого приобщения основной массы населения к христианству), происходившей на православной основе во второй половине XVI в.

В-четвертых, развитие православной культуры и углубление христианизации уживались с конфессионально-культурной открытостью украинско-белорусской церкви. Это делало возможным, в частности, обращение к идее унии. С другой стороны, в памятниках православной культуры этого времени мы не находим никаких следов специального тяготения к объединению с католиками.

В-пятых, приходская проповедь этого времени испытала сильные влияния протестантизма и местного религиозного неконформизма (“ересь Феодосия Косого”) - как прямое, так и косвенное.

В - шестых, анализ инноваций в учительных Евангелиях и четьих сборниках показывает, из какой почвы выростали предпринятые в конце XVI века и духовенством, и мирянами попытки реформ в православной церкви.

Шестая глава диссертации *“Братства и епископат Киевской митрополии в конце XVI века: две программы реформ в православной церкви”* посвящена анализу усилий православного духовенства и братств вывести церковь из того кризиса, в котором она оказалась во второй половине XVI века. Этот вопрос чрезвычайно важен для понимания генезиса Брестской унии – особенно в том случае, если стремиться рассмотреть зарождение унии не только в контексте польской и римской политики в отношении православных, но и как результат определенных тенденций в развитии самого украинско-белорусского общества и его религиозной культуры в XVI в. Поэтому в диссертации предпринимается попытка проанализировать, как православные церковные братства и высшее

духовенство предлагали решить стоявшие перед церковью проблемы; как складывались отношения между братствами и православными иерархами в конце XVI века; какую роль их конфликт сыграл в генезисе унионной инициативы православных епископов в 1590 году.

Проделанный в этой главе диссертации анализ позволил заключить, что одной из важнейших тенденций в развитии украинско-белорусского православия в XVI веке было нарастание конфликта между духовенством и мирянами. По своей природе этот конфликт не имеет аналогов в истории других стран. Он разворачивался в формах, которые не были знакомы ни латинскому Западу (в силу культурно-конфессиональной специфики католицизма), ни России и Византии (в силу регулирования внутрицерковной жизни государством). В Речи Посполитой истоком этого конфликта стал институт частного патроната, который как бы замещал опеку со стороны государства. Развитие отношений между мирянами и духовенством обуславливалось, таким образом, двумя факторами: с одной стороны, спецификой православных традиций, православной экклезиологии и соответствующих ей институтов церковной жизни; с другой – теми особыми условиями, которые создавало общественно-государственное устройство Речи Посполитой.

Борьба мирян и духовенства за контроль над церковью и ее имуществом тесно переплеталась с борьбой за реформы внутри церкви. Главным вопросом этих реформ был вопрос о власти и, соответственно, о путях преодоления “нестроений”. Первая попытка реформ была предпринята в начале XVI века, при митрополите Иосифе Солтане. В 1546 и 1558 гг. были предприняты две попытки созвать соборы для преодоления церковных “нестроений”, однако обе оказались, судя по всему, безуспешными. Так или иначе, идея реформ, так сказать, витала в воздухе, их необходимость была очевидной.

Несмотря на это, в 1560-е – первой половине 1580-х годов, в течение более чем четверти века в украинско-белорусских землях не предпринималось никаких серьезных попыток оздоровить церковную жизнь и начать реформы. Но именно в это время, как показано в диссертации, религиозно-культурная атмосфера православных земель Речи Посполитой стала быстро меняться: начиналось пробуждение конфессионального самосознания; получили распространение протестантские влияния; развернулись диссидентские движения внутри самого православия; усилиями светских лиц и части духовенства были предприняты попытки поднять религиозную культуру и просвещение. В целом, началась ошутимая

трансформация религиозной культуры. В те же десятилетия в польском католицизме успешно развернулась Контрреформация и Католическая Реформа, сопровождаемые активизацией миссионерской деятельности и пропаганды в отношении православных.

В середине 1580-х годов конфликт мирян и духовенства вступает в новую фазу. Рождаются православные братства, имеющие, по сути, мало общего с предшествующими объединениями мирян. Проведенный анализ источников позволил увидеть, что в отличие от отношений патроната предшествующего периода Львовское и другие братства претендуют на главенство в церкви и всеохватывающий контроль деятельности духовенства. Фактически, речь идет о попытке узурпации церковной власти братствами. При прямой поддержке патриархов братства стали осуществлять свою программу реформ. В диссертации показано, как деятельность патриарха Иеремии предельно обострила вопрос о власти в украинско-белорусской церкви.

В конце того же десятилетия и православные епископы возобновляют реформаторские усилия. Эти инициативы сопровождаются и конфронтацией, и сотрудничеством с братствами. Важным моментом был созыв в 1589 г. собора, который низложил митрополита Онисифора Девочку, и проведение в том же году соборов в Вильно, Бресте и Тарнополе. Эти шаги послужили непосредственным прологом к Брестскому собору июня 1590 г., которым должен был стать и в какой-то степени стал поворотным шагом в усилиях православного духовенства по реформированию церкви. Таким образом к 1590-м годам необходимость реформ не только была очевидна и не только осознавалась, но и были предприняты целенаправленные усилия по преодолению “нестроений” в церковной жизни.

В диссертации прослежено, как реформаторские усилия продолжались на соборах 1591-1594 гг., сопровождаясь нарастанием конфликта мирян и духовенства. Если собор 1591 г. увенчался компромиссом и наметилась перспектива тесного взаимодействия мирян и духовенства, то в 1594 году ситуация опять переменилась. Духовенство очутилось перед опасностью утратить контроль над церковью, и положение епископата стало поистине критическим.

Проделанный анализ привел к выводу, что есть все основания говорить о двух программах реформ – одной, выдвинутой братствами; другой – предложенной в 1590 г. духовенством. Они кардинально различались в том, какую роль в церковной жизни должны играть миряне, и какую – духовенство. Первая, однако, не предусматривала усиления

позиций духовенства ни в церкви, ни в обществе. Напротив, она предполагала сохранение прежних традиций “противоестественного правления” (слова К. Саковича). Вторая, наоборот, была нацелена на усилие и сословных, и внутрицерковных позиций духовенства, прежде всего епископата. В 1590-1594 гг. духовенство попробовало перехватить инициативу, приняв собственную попытку реформ и ведя их в том духе, который противоречил (и не мог не противоречить) установкам братского движения.

В ходе исследования выяснилось, что борьба внутри православной церкви была теснейшим образом связана с генезисом Брестской церковной унии. На соборе 1590 г. группа епископов, стремясь выйти из обострившегося кризиса, решила предпринять шаги для заключения унии с католической церковью, и в течение нескольких лет (1590-1594 гг.) вопрос об унии теснейшим образом переплетался с вопросом о реформах и отношениях с мирянами. После июньского собора 1594 года вопрос об смене высшей церковной юрисдикции, отошедший было на второй план, становится главным предметом забот высшего духовенства. И именно во второй половине 1594 – первой половине 1595 гг. предпринимаются действия, которые привели к заключению унии.

Соответственно, **в седьмой главе** *“Кризис Киевской митрополии и подготовка унии церквей в 1590-1595 гг.”* рассмотрен ряд взаимосвязанных вопросов. 1). Как и по чьей инициативе родился и как формировался в 1590-1595 гг. унионный проект, приведший к заключению в 1595-1596 гг. Брестской унии? 2). В какой степени шаги православного духовенства унии были ответом на внутренний кризис православной церкви? В какой мере эти шаги стали откликом на католическую проунионную пропаганду? В какой – осуществлением давней мечты христианского мира о восстановлении нарушенного в XI веке единства? 3). Как именно на практике уния подготавливалась в 1590-1595 гг.?

Происходившее в 1590-1595/96 гг. многократно рассматривалось в историографии. Однако, во-первых, очень значительная часть источников, отражающих события этих лет и их подоплеку, была введена в научный оборот лишь сравнительно недавно (речь идет, главным образом, о материалах из ватиканских архивов). Во-вторых, даже самые авторитетные авторы (например, О. Халецкий), далеко не беспристрастно и не полно использовали доступный к сегодняшнему дню фонд информации. Поэтому сложившиеся в историографии представления о непосредственной предыстории Брестской унии нуждаются в критической проверке, а многие из них - в пересмотре.

Проведенный анализ всего комплекса известных к настоящему времени источников, позволил прийти к следующим выводам.

1. Из источников, отражающих рождение и реализацию унионного проекта православного духовенства, видно, что отправной точкой в деятельности по подготовке унии было июньское обращение 1590 года группы епископов к папе. Именно в это время был предпринят первый шаг к заключению унии 1595-1596 гг. и именно от этого момента нужно отсчитывать генезис Брестской унии в узком смысле слова.

В так понимаемом генезисе Брестской унии можно ясно различить несколько этапов, последовательность которых помогает уяснить, как и почему предпринимались те или шаги, целью которых была уния.

Первый из этих этапов - период между декларацией от 24 июня 1590 г. и Сокальским совещанием 27 июня 1594 г.

Второй - между Сокальским совещанием и принятием ряда документов («Торчинской декларации», «Инструкции» и «Злецьня») в декабре 1594 года.

Третий - между декабрем 1594 г. и июнем 1595 года, когда было подписано новое обращение к папе и окончательно разработаны «32 артикула унии».

Четвертый - между июнем 1595 года и заключением унии в Риме в декабре 1595 года.

2. Судя по введенным в оборот к сегодняшнему дню данным, заявление от 24 июня 1590 г. не было ни непосредственным откликом на католическую пропаганду унии, ни плодом каких-либо предшествующих проунионных стремлений с православной стороны. Не отрываясь от того, что доносят источники о событиях 1580-х годов внутри Киевской митрополии, следует считать, что инициатива 1590 года была попыткой найти выход из кризиса в отношениях мирян и духовенства. Таким образом, господствующий в историографии взгляд на генезис Брестской унии, согласно которому уния была ответом православной стороны на начавшиеся ещё в 1560-е годы действия и призывы Рима, иезуитов, польского духовенства и правительства, не подтверждается.

3. На первом этапе генезиса Брестской унии, с июня 1590 по июнь 1594 года по-настоящему настойчивых усилий для заключения унии не было предпринято ни с католической, ни с православной стороны. Поворот от неопределенно общей идеи унии церковью к конкретным действиям произошел во второй половине 1594 года, после июньского Брестского церковного собора и Сокальского совещания епископов, вернувшихся к идее

унии с Римом. Нужно признать, что введенные к сегодняшнему дню в оборот данные о событиях зимой - весной 1594 не дают оснований для каких бы то ни было твердых заключений о том, какую роль эти события играли в подготовке Брестской унии.

4. На втором этапе подготовки унии (между Сокальским совещанием 27 июня 1594 г. и документами декабря 1594 г.) были предприняты первые настойчивые усилия для заключения унии.

До сих пор неизвестно, какой именно документ был составлен в Сокале летом 1594 года и какой документ был представлен осенью того же года канцлеру Замойскому. Однако можно с уверенностью сказать, что перелом в намерениях епископата и, видимо, значительной части духовенства, произошел после Брестского собора в июне 1594 года, когда братства и светские патроны православной церкви открыто заявили о желании еще больше ограничить власть духовной иерархии. Из этого следует, что ход переговоров об унии в 1594 г. совершенно непонятен, если их рассматривать вне контекста борьбы различных групп духовенства и мирян внутри Киевской митрополии.

5. Так. наз. «Торчинский манифест» от 2 декабря 1594 г., «Инструкция» и «Злеценье», составленные скорее всего тогда же, в декабре 1594 г., составляют единый комплекс документов. Первый из них адресовался римскому папе, второй и третий - польскому королю. Вступление в унию с Римом обуславливалось соблюдением ряда требований, касавшихся положения православной церкви в Речи Посполитой.

6. На третьем этапе генезиса унии, то есть зимой 1594/95 гг. - весной 1595 года, подготовка объединения с католической церковью вступила в решающую практическую фазу. Значительная часть православного духовенства вступала в этот год с достаточно определенной готовностью к осуществлению унии, и к середине 1595 года были выработаны условия перехода под власть Рима. Католическая сторона (король, правительство, высшее духовенство и папский нунций) стала принимать самое активное участие в осуществлении унионной программы. Однако среди православных заметны и очевидные колебания в вопросе об унии, и многочисленные разногласия. Православная сторона ждала от польской и римской стороны ясных и надежных гарантий соблюдения поставленных условий, и зимой - весной 1595 года этот вопрос обсуждался на переговорах с церковными и светскими властями Речи Посполитой. Результатом была выработка «32 артикулов» и новой декларации об унии, пришедшей на смену Торчинскому заявлению. Собора (или соборов) в июне 1595 г., судя

по всему, не было, подписи под документами собирались порознь с отдельных епископов. В это же время росла и оппозиция против унионных планов.

7. На четвертом этапе генезиса унии, летом - осенью 1595 года, то есть еще до заключения унии, этот вопрос породил острый конфликт в православном обществе Речи Посполитой. Часть духовенства отказалась дальше поддерживать прежний унионный план. Разногласия по этому поводу наметились и в правящих кругах Речи Посполитой. Среди православных сторонников унии, господствовало, видимо, убеждение, что условия, адресованные королю и Риму, будут выполнены, и это поможет предотвратить кризис. Это убеждение подкреплялось обещаниями королевской власти и папского нунция. Значительной части православных элит выход из создавшегося положения виделся в созыве собора Киевской митрополии для обсуждения вопроса об унии. Однако для польского правительства и католического духовенства эта идея была неприемлема. Для лидеров унионного движения (Ипатия Потея и Кирилла Терлецкого) пути назад практически не оставалось. Хотя в сентябре 1595 г. судьба унионного проекта висела на волоске, в Рим отправилось посольство православного духовенства во главе с Потеем и Терлецким.

8. Миссия Ипатия Потея и Кирилла Терлецкого привела к заключению унии 23 декабря 1595 года в Риме. Однако очень многое в истории этой миссии остается неясным. Опубликованные А. Великим документы²⁴ не дают полной картины того, что происходило в Риме во время пребывания там посольства Киевской митрополии. Ясно, однако, что заключенная 23 декабря 1595 года не соответствовала унионному проекту, принявшему окончательную форму в июне 1595 года и выраженному в “32 артикулах”, предложенных Риму и польскому правительству православной стороной. Опубликованные документы позволяют также догадаться, что посольство Киевской митрополии пыталось добиться уступок со стороны Ватикана, и это отчасти удалось, когда специальной буллой папа гарантировал неприкосновенность «восточного обряда».

9. На протяжении всего периода королевская власть рассматривалась как главный гарант справедливого исполнения условий унии. Переговоры об “артикулах” велись, главным образом, именно с польским правительством. Это ясно свидетельствует о специфически православном

²⁴ Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum (1590-1600). Ed. A.G. Welykyj. Romae, 1970.

и особенно характерном для Речи Посполитой понимании роли светской власти в регулировании церковной жизни.

Восьмая глава “*Церковная уния: взгляд православных и взгляд католиков*” имеет задачей сопоставить взгляд на церковную унию православных и католиков в те годы, когда обсуждался вопрос об унии, когда родилась унионная инициатива православной стороны и был осуществлен унионный проект. Исходная гипотеза, которая возникла при предварительном ознакомлении с источниками, состояла в предположении, что понимание унии православными и католиками было существенно различным, и это послужило, с одной стороны, причиной многих в буквальном смысле слова недоразумений в 1590-е годы и, с другой стороны, породило совершенно непредвиденные для обеих сторон трудности, коллизии и конфликты. Сравнение того, как мыслилась уния католическим и православным духовенством, позволило проверить эту гипотезу.

Анализ того, как грядущая уния понималась в подготовленных православной стороной документах, в переписке православных иерархов, Константина Острожского и Федора Скумина-Тышкевича, в сочинении Ипатия Потeya²⁵, позволил констатировать, что, во-первых, среди православного духовенства и мирян было много сторонников унии, хотя единой позиции по этому вопросу не существовало.

Во-вторых, главным оказывался не вопрос об унии вообще, а вопрос о том, *какая* уния может быть заключена между православной и католической церковью? Православные представления о контурах возможной унии наиболее полно отразились в высказываниях Ипатия Потeya.

В-третьих, есть все основания считать, что наиболее полное и законченное выражение православный взгляд на унию нашел в «32 артикулах», адресованных Римской курии в июне 1595 года. Эта концепция унии может быть сведена к пяти пунктам.

Во-первых, догматическая и обрядовая специфика православия должна была быть сохранена едва ли не полностью (спор о исхождении Св. Духа предлагалось разрешить на основе компромиссной формулы Флорентийского собора [исхождение Святого Духа «от Отца через Сына»]); учение о чистилище должно было быть объяснено православным католической стороной; брак священников и причастие под двумя видами

²⁵ [Потей И.] Уния Греков с костелом Римским. Вильно, 1595 // Русская историческая библиотека. Т. VII (=Памятники полемической литературы в Западной Руси. Т. 2). Спб., 1882. Стб. 111-168.

сохранялись; все церковные праздники должны были праздноваться по старому календарю, обряды и службы должны были быть сохранены в неприкосновенности).

Во-вторых, уния должна была обеспечить резкое улучшение сословного статуса духовенства. Речь шла не только о неприкосновенности имеющих и возвращении отнятых земель, о предоставлении мест в сенате и привилегий, идентичных привилегиям католического духовенства, но о введении двух православных епископов в высший судебный трибунал для обеспечения защиты прав православной церкви.

В-третьих, уния, как ни парадоксально, была призвана остановить распространение католицизма в украинско-белорусских землях: переходы из унии в «латинство» должны быть запрещены; браки между «римлянами и Русью» не должны были сопровождаться сменой вероисповедания; обращение православных храмов в костелы не допускалось; отлученные от униатской церкви не должны были приниматься в католическую церковь.

В-четвертых, речь шла об очень существенном укреплении власти епископов внутри церкви: монашество и монастыри должны оставаться в полной власти епископов; братства, школы, типографии должны находиться под контролем епископата; шляхта не должна препятствовать осуществлению епископских административных и судебных полномочий; все храмы должны быть подконтрольны епископам, в чьих бы владениях они не лежали, а светские люди не могут допускаться к управлению ими.

В-пятых, наконец, предполагалось сохранение фактической церковно-административной независимости епископов и митрополитов от Рима, ибо епископы должны бы были посвящаться митрополитом, а митрополит – получать благословение на эту должность от Рима только в том случае, если он выбран не из числа епископов, при том, что полученное благословение должно было бы быть подтверждено еще двумя православными епископами.

Уния рассматривалась как соглашение, условия которого должны быть гарантированы не только Римом, но и польскими королями прежде, чем уния будет провозглашена.

Фактически уния понималась инструментально и только как перемена верховной церковной юрисдикции. Очень существенно и то, что артикулы были одновременно и программой реформ в Киевской митрополии.

Рассмотрение же официальных и неофициальных источников, информирующих о том, как уния понималась католиками в эпоху Брестской унии, приводит к тройному заключению.

Во-первых, уния понималась не как соглашение или союз двух церквей, тем более не как их равноправное объединение в рамках общего церковного организма, а как практически безоговорочная инкорпорация православной церкви в церковь Римскую. Соответственно, уния осмысливалась в категориях централизации, унификации, полного подчинения Риму и принятия всех особенностей католического вероисповедания.

Во-вторых, и концепция, и сами категории мышления об унии католической стороны оказываются иными, чем представления и категории мышления православных. Вместе с тем, видно, что ни те, ни другие не осознавали в конце XVI века, насколько глубоки различия двух конфессий и стоящих за ними традиций.

В-третьих, католические представления об унии отвечали самым глубинным и принципиальным особенностям католического учения о церкви и специфически католического религиозного менталитета в целом.

В Заключении прежде, чем сделать общие выводы по проведенному исследованию, кратко рассмотрен вопрос о том, в какой степени Брестская уния была результатом политики польского государства и католической церкви во второй половине XVI века. Хотя обыкновенно признается как нечто само собой разумеющееся, что переговоры об унии в 1590-1595 гг. были плодом этой политики и откликом на выдвигавшиеся католической стороной (начиная с 1560-х годов) проекты унии, обращение к накопленным наукой данным о польской политике в отношении православной церкви и о католических унионных проектах ставит под сомнение этот широко циркулирующий стереотип.

Самый главный вывод из рассмотренного материала в том, что не обнаруживается прямой преемственной связи между унионной инициативой православного духовенства в 1590 г. и предшествующей политикой польского государства, Рима и польской церкви в отношении православных. Судя по известным к сегодняшнему дню источникам, решение обратиться в Рим, принятое в июне 1590 группой епископов, не было ответом на предшествующие проекты унии, выдвигавшиеся католической стороной. Все эти предложения, предположения и проекты объясняют не то, что происходило в 1590-1595 годах, а ту жесткую конфронтацию, которая началась после того, как выяснилось, что заключенная в Риме уния не соответствует представлениям и условиям православной стороны.

Что касается самих представлений и действий Рима и польского духовенства, то в них не обнаруживается преемственности с «флорентийской традицией». Только Ст. Ожеховский, А. Ф. Моджевский и их, видимо, очень немногочисленные сторонники призывали к религиозному компромиссу и к тому, что можно несколько анахронически назвать экуменическим примирением. В сознании католических лидеров и идеологов безусловно преобладала идея прямого обращения православных в католицизм при допустимости мелких уступок, каковыми с точки зрения католиков (но не православных) были вопросы обрядности. Нет оснований считать известные сочинения и высказывания католических авторов этой ориентации (Ст. Гозия, Б. Гербеста, П. Скарги и др.) изложением унионных идей и проектов. Речь шла о принципах католического прозелитизма.

В диссертации показано, что государственная политика в отношении православных в 1570е – 1580е подвергалась все большей конфессионализации. Это особенно ярко выразилось в попытке принудить православных к смене календаря. С другой стороны, история отмены календарной реформы в восточных землях Речи Посполитой, показывает, что политика Батория, Сигизмунда III и их советников оставалась достаточно гибкой и терпимой. Католическое миссионерство не опиралось на государственное принуждение к смене вероисповедания, государственные лидеры Речи Посполитой стремились остаться вне прямой конфессиональной конфронтации. Нет оснований считать унионную инициативу 1590 года результатом государственного давления на православную церковь.

Таким образом, изучение данных о польской и римской политике в отношении православных и о католических унионных «проектах» позволило заключить, что причины, приведшие к формированию православной унионной программы 1590-1595 гг., не лежали ни в политике польского государства, ни в действиях и идеях католической церкви. Они лежали внутри самого украинско-белорусского православия.

Продланное в диссертации исследование позволило сделать ряд *общих заключений* об истории украинско-белорусского православия в XVI веке, генезисе, природе и последствиях Брестской унии.

1. В истории подготовки и осуществления Брестской унии обнаруживаются существенные различия между тем, что задумывалось инициаторами унии с православной стороны и тем, что было совершено во второй половине 1595 - 1596 гг. К отправке посольства в Рим и заключению унии с католической церковью привела инициатива православного епископата,

который впервые выдвинул этот проект в 1590 году. Суть унионной инициативы состояла в предложении перейти под юрисдикцию Рима при условии выполнения католической церковью ряда требований, выдвинутых православными епископами в 1590-1594 гг. и получивших развернутое выражение в “32 артикулах”, датированных июнем 1595 года. Отправившееся в Рим посольство во главе с Ипатием Потеем и Кириллом Терлецким должно было провести соответствующие переговоры. Переговоры фактически не состоялись. Подписанный 23 декабря 1595 года в Риме акт унии не принял во внимание условий, выдвинутых православной стороной. Дальнейшие действия по осуществлению унии предпринимались православным и католическим духовенством при прямом участии правительства Речи Посполитой, папских нунциев, высшего польского духовенства и иезуитов. Источники не позволяют сколько-нибудь достоверно установить, как происходившее в 1596 году воспринималось православными сторонниками унии.

2. Источники не содержат сведений о связи унионной инициативы православного епископата с политикой польского правительства, деятельностью папской курии, иезуитов и польского духовенства. Поэтому если под генезисом Брестской унии понимать разработку православным епископатом плана перехода под юрисдикцию Рима и шаги по осуществлению этого плана в 1590-94 гг., то выясняется, что прямой связи между генезисом Брестской унии и католической политикой, унионными проектами римского и польского духовенства нет. Равным образом нет оснований считать, что унионная инициатива была связана с памятью о Ферраро-Флорентийском соборе и так наз. “флорентийской традицией”. Уния понималась православным духовенством инструментально - как средство преодолеть кризис православной церкви, предотвратить “латинизацию” и провести ряд внутрицерковных реформ. В обмен на признание юрисдикции Рима православные епископы рассчитывали получить поддержку в осуществлении этих планов. Причины унионной инициативы, приведшей в конце концов к Брестской унии, следует, таким образом, искать во внутреннем развитии украинско-белорусского православия, а не в его отношениях с католической церковью.

3. Унионная инициатива православного духовенства была ответом на внутрицерковный кризис второй половины 1580-х годов. Этот кризис выразился в столкновении духовенства и мирян, которые стали претендовать на лидерство в церкви. Православные церковные братства, созданные или

обновленные во второй половине 1580-х - начале 1590-х годов, получив поддержку патриархов, выдвинули свою программу церковных реформ, которая была неприемлема для духовенства, так как фактически предусматривала передачу мирянам власти в церкви. Желая упрочить свою власть, преодолеть нараставший в церкви хаос, провести необходимые реформы, противодействуя натиску католицизма, протестантизма и “ересей” внутри самого православия, группа православных епископов решилась на рискованный шаг - перемену высшей церковной юрисдикции. Это выразилось в унионной инициативе 1590-х годов. Однако в течение нескольких последующих лет сохранялась возможность преодоления кризиса собственными силами. Но в июне 1594 года, во время очередного Брестского собора кризис в отношениях мирян и духовенства достиг апогея. Опасаясь внутрицерковного переворота, епископат перешел к практическому осуществлению унионного плана. В источниках нет каких бы то ни было упоминаний о реакции православных иерархов, решившихся обратиться к папе, на учреждение Московского патриархата в 1589 г.

4. Кризис второй половины 1580-х годов, возникновение братств нового типа, резкое возрастание роли мирян в церкви - всё это было связано не только с развитием права патроната, протестантскими влияниями и вмешательством патриархов в дела Киевской митрополии, но и с внешне не так заметными переменами в религиозной культуре и религиозном сознании православного общества Речи Посполитой. Кризис последней четверти XVI века был кризисом роста, а не кризисом упадка. Поступательные тенденции эволюции христианской культуры выразились в развитии просвещения, книгопечатания, религиозной мысли. Трансформация религиозного сознания нашла отражение в рукописных учительных Евангелиях второй половины XVI века, полемических сочинениях, четых сборниках. Дальнейшее изучение рукописных учительных Евангелий, четых сборников, агнографических и полемических сочинений обещает принести очень существенные новые данные о состоянии и развитии религиозной культуры украинско-белорусских земель в эпоху Брестской унии.

5. Большой вклад в “православное возрождение” этого периода внесли эмигранты из России, в частности ведущий идеолог русского “нестяжательства” середины XVI века старец Артемий. Обращение к его сочинениям позволяет констатировать, что все существенные идеи, характерные для “нестяжательства”, были удержаны и развиты им после бегства из

России в Речь Посполитую. Идеи Артемия оказались вполне созвучны тем тенденциям, которые во второй половине XVI века появились в развитии украинско-белорусского православия. Многие мотивы рукописных учительных Евангелий и памятников полемической литературы развивают те же положения, какие мы находим в посланиях старца Артемия. Есть основания думать, что книгоиздательская и переводческая деятельность украинско-белорусских православных центров просвещения этой поры вдохновлялась той же идеологией, какую выразил старец Артемий. “Нестязательство” стало как бы программой украинско-белорусского “православного возрождения” второй половины XVI в.

6. В идейно-культурных процессах середины и второй половины XVI века большую роль сыграла и “ересь Феодосия Косого”, получившая распространение среди восточнославянского населения Речи Посполитой. Феномен, известный в историографии под этим неточным названием, оставил следы преимущественно в русских полемических памятниках. Однако контекст для адекватного понимания этих памятников создают источники польского и украинско-белорусского происхождения. Таким образом, фонд текстов, свидетельствующих о религиозной жизни православных земель Речи Посполитой, пополняется источниками, созданными в России. “Ересь жидовствующих” конца XV - начала XVI века также была фактом религиозной культуры не только русских, но и украинско-белорусских земель. Данные об этих двух “ересях” а также всё, что мы знаем о “православном возрождении” второй половины XVI века и участии в нём русских эмигрантов, позволяют констатировать, что прямолинейное деление восточнославянской православной культуры на русскую, украинскую и белорусскую не находит оправдания в источниках, по крайней мере для XVI века.

7. Польская католическая культура и протестантизм, конечно, оказывали известное влияние на православную культуру Речи Посполитой. Однако украинско-белорусское “православное возрождение” второй половины XVI века, перемены в религиозном сознании значительной части православного общества Речи Посполитой в это время, братское движение, которое выросло из этих перемен, были порождены не столько взаимодействием с польской культурой, сколько имманентным развитием самого украинско-белорусского православия и продолжением тех процессов, которые обозначились в русском православии конца XV - первой половины XVI вв. Эти процессы, развернувшиеся сначала в России,

а затем в украинско-белорусских землях могут быть квалифицированы как процессы “конфессионализации”. Это означает, в частности, что кризис в отношениях мирян и духовенства во второй половине 1580-х годов не был порожден внешними влияниями или внерелигиозными причинами. Он был результатом “конфессионализации” как процесса, раскрывшего и актуализировавшего специфически православные начала, заложенные в конфессионально-культурных особенностях восточнохристианских традиций.

8. История подготовки и осуществления унии церквей в конце XVI века выявила взаимное непонимание католиков и православных. Исторически это взаимное непонимание было закономерным и неизбежным, так как оно коренится в особенностях и различиях двух христианских ментальностей, сформированных специфическими конфессионально-культурными традициями византийско-православной и латино-католического регионов Европы.

9. Последствия взаимного непонимания и иллюзий стали выявляться уже в 1595 году. Одним из них был фактический отказ католической стороны от проведения общего собора, на который так надеялись православные. Другим - поворот событий, который ждал Ипатия Потея и Кирилла Терлецкого в Риме. Однако пути назад уже практически не было ни для православных инициаторов унии, которые всё поставили на одну карту, ни для католиков, которые по природе своего экклезиологического мышления не могли отказаться от счастливо представившейся перспективы “обращения” из “схизмы” в истинную веру миллионов православных. Глубокий раскол православной церкви во время Брестских соборов октября 1596 года стал, по сути, первым публичным крахом унионного плана и ярчайшим выражением взаимного непонимания двух сторон. Религиозно-общественные конфликты первой половины XVII века и конфронтация последующего времени также могут быть рассмотрены как непосредственные и отдаленные последствия церковной унии, заключенной в 1595-1596 гг.

10. Последствия Брестской унии были многообразны и никак не сводятся к одному лишь религиозному расколу. Одним из таких последствий был переход от конфессионально открытого религиозного сознания, характерного для украинско-белорусской православной культуры XVI века, к конфессионально закрытому сознанию, которое становится

отличительной чертой обоих религиозных лагерей (православного и католического) в XVII веке. Эпоха после Брестской унии отмечена быстрым ростом религиозной нетерпимости в украинско-белорусских землях. Это не означает, что не делались попытки “навести мосты” и исключались заимствования из “чужой” конфессиональной традиции. Суть и причины конфессиональных разграничений более или менее осознавались лишь узким слоем приобщенных к высокой культуре элит.

11. Другими последствиями Брестской унии были становление особой греко-католической субкультуры; сближение оставшейся верной Константинополю части Киевской митрополии с Русской церковью и Московским государством; осложнение процессов развития национального украинско-белорусского («руського», «рутенского», «русинского») самосознания и украинско-белорусской культуры. В целом, Брестская уния способствовала дезинтеграции не только господствовавших элит, но и украинско-белорусского общества в целом.

РАБОТЫ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии:

Православие и Реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI века. М.: Издательство МГУ, 1990 (10 а. л.).

Dissidents russes. Feodosij Kosoj. Baden-Baden: V. Koerner-Verlag, 1998 (=Bibliotheca dissidentium. Répertoire des non-conformistes religieux des seizième et dix-septième siècles. Ed. par A. Séguenny. T. XIX) (11 а. л.).

Dissidents russes. II. Matvej Baškin, le *starec* Artemij. Baden-Baden: V. Koerner-Verlag, 1999 (=Bibliotheca dissidentium. Répertoire des non-conformistes religieux des seizième et dix-septième siècles. Ed. par A. Séguenny. T. XX) (12 а. л.).

Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595-1596 гг. М.: Издательство МГУ (23 а. л. - в печати).

Статьи:

1. Антифеодальные тенденции в реформационном движении в Речи Посполитой второй половины XVI в. // Советское славяноведение. 1984. N 5. С. 27-36 (1 а. л.).

2. К характеристике воздействия реформационной идеологии на эволюцию религиозно-философской доктрины православной церкви в XVI веке // Философская мысль на Руси в позднее средневековье. М., 1985. С. 17-21 (0,3 а. л.).

3. К истории реформационной проповеди в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. // Советское славяноведение, 1989, N 2. С. 15-26 (1,2 а. л.).

4. История славянских культур и религиозно-общественных движений в исследованиях В. И. Пичеты // 50 лет славистики в Московском университете. Сб. статей под ред. В.Г. Карасева. М., 1989. С. 43-59 (1 а. л.).

5. Влияние реформации на общественную мысль украинско-белорусских земель Речи Посполитой во второй половине XVI - первой половине XVII вв. // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья. Историко-философские очерки. Сб. научных трудов. Киев, 1989. С. 250-261 (0,5 а. л.).

6. Реформационное движение и общественная мысль восточнославянских земель во второй половине XVI - первой половине XVII вв. // Философская и социологическая мысль. 1990. N 11. С. 55-68 (1,1 а. л.).

7. Идеологическая борьба в украинской общественной мысли конца XVI - первой половины XVII вв. в оценке И.Я. Франко // І. Я. Франко і світова культура. Матеріяли міжнародного симпозиума ЮНЕСКО. Кн. 1. Київ, 1990. С. 445-449 (0,3 а. л.).

8. Zu den Charakteristiken des philosophischen Inhalts der ostslavischen Ketzerlehren zu Ende des 15. und 16. Jahrhunderts // Synthesis philosophica, 1990. N 1. S. 117-136. Перевод на сербско-хорватский: Uza značajku filozofskoga sadržaja istočno-slavenskih krivovernih nauka koncem 15.-16. st. // Filozofska istraživanja, 10 (1990), 3. S. 661-676 (1,3 а. л.).

9. «Новое учение» Феодосия Косого и реформационное движение в Речи Посполитой во второй половине XVI - начале XVII века (к вопросу о масштабе восточноевропейской реформации) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. Под ред. А.И. Клибанова. М., 1990. С. 238-252 (1 а. л.).

10. La Réforme chez les Slaves orientaux // Revue d'histoire et de philosophie religieuse. 70 (1990). № 4. P. 449-460 (0,7 а. л.).

11. Брестская уния 1596 г. как форма контрреформационного движения в славянских странах // Материалы школы молодых славистов и балканистов. Звенигород, сентябрь 1988 г. М., 1990. С. 76-86 (0,8 а. л.).

12. «Византийская» тема в восточнославянской реформационной мысли второй половины XVI века // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С.141-154 (0,7 а. л.).

13. Религиозная реформация XVI века и восточнославянский мир // Из истории реформаторства в России. Философско-исторические очерки. М., 1991. С.17-22 (0,7 а. л.).

14. Религиозно-культурная и социальная программа греко-католической церкви в Речи Посполитой в конце XVI- первой половине XVII века. // Славяне и их соседи. Вып.3. Католицизм и православие в Средние века. М., 1991. С. 76-95 (0,8 а. л.).

15. «Евангелие учительное» как памятник религиозно-философской мысли восточнославянского средневековья // Отечественная философская мысль XI-XVII вв. и греческая культура. Киев, 1991. С. 229-237 (0,6 а. л.).

16. The Religious Programme of the Union of Brest in the Context of the Counter-Reformation in Eastern Europe // Journal of Ukrainian Studies, 17 (Summer-Winter 1992). № 1-2. P. 29-43 (1 а. л.).

17. Православие в украинско-белорусских землях в XV-XVI вв. // Очерки по истории Украины. М., 1993. С. 27-45 (1 а. л.).

18. Генезис Брестской унии 1596 г. // Очерки по истории Украины. М., 1993. С. 46-72 (1 а. л.).

19. Про деякі шляхи проникнення гуманістичної ідеології в українську культуру кінця XVI - першої половини XVII ст. // Європейське Відродження та українська література XIV - XVIII ст. Отв. ред. О. Мишанич. Київ, 1993. С. 110-125 (0,8 а. л.).

20. Réforme chez les Slaves de l'Est? Oui! // Historiens-Géographes, N 341 (1993). P.169-175 (0,5 а. л.).

21. Концепції унії в церковних і державних колах Речі Посполитої кінця XVI ст. // Історичний контекст, укладення Берестейської унії і перше поунійне покоління. Під ред. Б. Гудзяка. Львів, 1995. С. 39-73 (1,5 а. л.).

22. Представления о власти и идеал «безвластия» в учениях восточнославянских религиозных реформаторов XVI в. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX международный Семинар исторических исследований "От Рима к Третьему Риму. Москва, 29 -31 мая 1989 г. Под ред. А.Н. Сахарова. Москва, 1995 (0,7 а. л.).

23. Посольство Ипатия Потия и Кирилла Терлецкого в Рим в 1595-1596 гг. // Славяноведение, 1996, № 2. С. 3 - 21 (1,1 а. л.).

24. Изменения в идейной и культурной жизни Речи Посполитой в эпоху Реформации и православное общество // Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI - начале XVII вв. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М.: "Индрик", 1997. С. 42- 60 (1,4 а. л.).

25. Характер первых контактов православного и католического общества в эпоху Контрреформации // Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI - начале XVII вв. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М.: "Индрик", 1997. С. 61 - 84 (1,3 а. л.).

26. Историография и нерешенные вопросы генезиса Брестской унии церковей // Историко-филологический вестник Украинского института. М., 1997. Т. 1. С. 254-259 (0,9 а. л.).

27. Православная проповедь в Речи Посполитой во второй половине XVI - первой половине XVII века (по материалам рукописных учительных Евангелий и четких сборников) // *Prawosławie w Polsce i Katolicyzm w Rosji*. Католицизм в России и Православие в Польше. Pod red. J. Bardacha i innych. Warszawa, 1997. S. 99-107 (0,8 а. л.).

28. "Ваша" и "наша" Русь. Сторонники унии перед проблемой этно-конфессионального самоопределения в конце XVI - начале XVII вв. // *Prosphonema*. Историчні та філологічні розвідки, присвячені 60-річчю академіка Ярослава Ісаєвича. Уклад Б. Якимович. Львів, 1998 (=Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Т. 5). С. 231-244 (1 а. л.).

29. Уния и порожденные ею конфликты в осмыслении лидеров униатского лагеря // Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI - первой половине XVII вв. Ч.2. Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М.: Индрик, 1999. С. 87-121 (1,1 а. л.).

30. "Ересь гусов" и "ересь Феодосия Косого" в украинско-белорусской религиозной жизни третьей четверти XVI в. // *Вісник Львівського університету*. Серія історична. Випуск 36. Львів, 2001 (1,5 а. л., в печати).

31. *Brester Kirchenunion und die Konfessionalisierung der polnischen Ostpolitik* // *Festschrift zum 75. Geburtstag von Professor W. Leitsch*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001 (1 а. л., в печати).

32. «Реформация православия»? Восточнохристианский протестантизм? Украинско-белорусские церковные братства конца XVI // Историческая компаративистика: проблемы, опыт и перспективы исследований. Москва: Институт всеобщей истории, 2001 (0,9 а. л., в печати).

33. Евангелие в польской и украинско-белорусской культуре Речи Посполитой XVI - XVII вв.: притча о мытаре и фарисее в католической (Петр Скарга) и православной (учительное Евангелие) проповеди // Историческая компаративистика: проблемы, опыт и перспективы исследований. Москва: Институт всеобщей истории, 2001 (0,7 а. л., в печати).

34. Two Views on Religious Toleration in the 16th Century: Robert Persons and *starets* Artemij (в соавторстве в А. Ю. Серегинной) // Être catholique, être orthodoxe, être protestant dans l'Europe médiévale et moderne. Wrocław - Paris: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego; Editions de la Maison des sciences de l'Homme, 2002 (0,8 а.л., в печати).

35. L'Union de Brest (1595-1596), les Catholiques, les Orthodoxes: un malentendu? // Współistnienie i przenikanie katolicyzmu i prawosławia w kulturze Europy Wschodniej, XIII - XVII w. Warszawa, 2002 (1 а. л., в печати).

36. Les confréries de Ruthénie dans la deuxième moitié du XVIe siècle - une «Réforme orthodoxe»? // Être catholique, être orthodoxe, être protestant dans l'Europe médiévale et moderne. Wrocław - Paris: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego; Editions de la Maison des sciences de l'Homme, 2002 (1 а. л., в печати).

Формат 60x90/16. Бумага офсетная, 80 г/м². Объем 3,0 п.л.

Печать РИЗО. Заказ № 18. Тираж 140 экз.

Отпечатано: Исторический факультет МГУ.

119899, Москва, Воробьевы горы, МГУ.

